

Источники и литература о евразийстве обширны и разнообразны. Книжки и статьи евразийцев и литература о них переиздавались волнами почти 90 лет (начиная с появления в 1920–1921 гг. первых публикаций евразийцев). Они выходили не только на русском, но и на английском, немецком, французском, итальянском, чешском, польском и др. языках. В 90-х гг. минувшего века книжный рынок России пережил настоящий бум переизданий евразийцев¹.

Аналитическая струя в литературе проблемы не слишком разносторонняя. Не повезло работам оппонентов евразийцев из рядов их современников — эмигрантов. Один из них П.М. Бицилли (далее иногда ПМБ), принадлежавший к числу глубоких критиков идеологии евразийства, оказался обделенным вниманием исследователей. Вместе с тем, преимущественно вследствие участия ПМБ во втором и в третьем евразийских сборниках, в литературе сложился миф о Бицилли как об одном из «зачинателей» евразийства². Своеобразное место и роль Бицилли в интересующих нас событиях не получили пока убедительного и обстоятельного освещения (нам неизвестны работы на эту тему)³.

Задачи настоящей публикации:

1) проанализировать основные работы Бицилли на темы евразийства периода начала и середины 1920-х гг. (до 1928 г., когда обозначился новый этап евразийского движения);

2) осветить важнейшие аспекты, обстоятельства и вехи отношения Бицилли к евразийцам названного периода.

Главная цель: выяснить, сколь достоверен и обоснован миф о Бицилли как об одном из ранних сторонников евразийских доктрин.

¹ Ценную библиографию и полезные историографические обзоры литературы о евразийстве (с учетом публикаций конца XX века) см. в книгах: *Антощенко А.В.* Споры о евразийстве // О Евразии и евразийстве: Библиографич. указатель. Петрозаводск, 1997. С. 7–29; *Он же.* «Евразия» или «Святая Русь». Петрозаводск, 2003 (Гл. 1. С. 10–73); *Евразийство: Материалы к библиографии / Сост. И.Л. Бельский // Россия и современный мир.* М., 2000. № 2. С. 239–262; № 3. С. 222–238; *Voráček E.* Eurasijstvi v Ruském politickém myšlení. Osudy jednoho z porevolučních ideových směrů ruské meziválečné emigrace. Praha, 2009 (Гл. 1).

² Один из вариантов мифа создан московским филологом В.П. Вомперским. В одном из репрезентативных изданий трудов Бицилли Вомперский в комментарии к перепечатке статьи Бицилли сформулировал: «Увлечшись оригинальностью идей евразийства и разделяя основные его постулаты (так в тексте. — М.Б.), он примкнул к этому движению» // *Бицилли П.М.* Избранные труды по филологии. М., 1996. С. 645.

³ Частично эта тема освещена во вступительной статье к публикации писем П.М. Бицилли П.Н. Савицкому: *Казанович Б.С.* К теме «Бицилли и евразийцы» // *Дiasпора. Новые материалы.* СПб., 2001. [Вып.] 2. С. 291–294; см. также: *Бирман М.А.* Бицилли в югославский период эмиграции (1920–1923 гг.) // *Славяноведение.* 2005. № 4. С. 90–93.

* * *

В январе 1920 г. 40-летний историк, профессор университета П.М. Бицилли с женой и двумя дочерьми оставил родную Одессу и стал эмигрантом. Осев в провинциальном тогда югославском городе Скопье (ныне — столица Республики Македонии), он должен был довольствоваться малооплачиваемой должностью доцента только что основанного филиала университета. Четыре года спустя ПМБ без сожаления переехал в Софию, где получил кафедру всеобщей истории в университете. В Болгарии он и завершил свой земной путь в 1953 г.

Вынужденный остановиться в 1920 г. в Скопье, Бицилли оказался фактически вне научной среды. Он испытывал большую тягу к общению с понимавшими его коллегами⁴. Но те оказались в основном в Париже, Берлине, Праге.

В Софии, одном из городов с относительно значительным скоплением русскоязычных эмигрантов, в 1920–1921 гг. сложился небольшой кружок молодых гуманитариев-эмигрантов. В него вначале входили филолог (лингвист) кн. Н.С. Трубецкой, экономист и географ П.Н. Савицкий, философ и музыковед П.П. Сувчинский, философ Г.В. Флоровский и поэт кн. А.А. Ливен (он, проявив поначалу немалую активность, вскоре охладел и отошел от кружка)⁵.

Первыми печатными выступлениями членов кружка были брошюра Н.С. Трубецкого «Европа и человечество» (София: Рос.-болг. книгоизд-во, 1920) и сборник статей «Утверждение евразийцев. [Кн. 1]: Исход к Востоку: Предчувствия и свершения» (София: Б.и., 1921)⁶.

Идеи, сформулированные в первых изданиях «евразийцев» (так называли себя амбициозные молодые авторы), подчас мало совмещались друг с другом. «Мы объединились, — писал 28 июля 1921 г. Н.С. Трубецкой коллеге и другу Р.О. Якобсону, — на некотором общем настроении и мироощущении, несмотря на то, что у каждого из нас свой подход и свои убеждения»⁷.

Евразийство на первых порах было «еще очень не оформившимся»⁸ — подчеркивал в воспоминаниях один из его идеологов более поздних лет Н.Н. Алексеев. На ранней стадии члены евразийского кружка избегали акцентировать свои политические убеждения. Среди них были сторонники и так называемого национал-большевизма (П.П. Сувчинский), и приверженцы антибольшевистских взглядов (Г.В. Флоровский).

⁴ Подробнее см.: Бирман М.А. П.М. Бицилли в югославский период эмиграции. С. 84–85, 90–92.

⁵ См.: К истории евразийства 1922–1924 гг. // Российский архив. М., 1994. Т. 5. С. 497–499 (Письма П.П. Сувчинского Н.С. Трубецкому / Публ. и коммент. Е. Кривошеевой); Бирман М.А., Горяинов А.Н. Российские интеллектуалы-эмигранты в Болгарии 1920–1930-х гг. // Новая и новейшая история. М., 2003. № 1. С. 181–182.

⁶ Понятие Евразии, как особого субконтинента с историко-этническим и культурно-историческим толкованием, впервые кратко очерчено П.Н. Савицким в рецензии на книгу Н.С. Трубецкого «Европа и человечество»; рецензия опубликована в № 1 возобновившегося под редакцией П.Б. Струве в Софии в 1921 г. журнала «Русская мысль» (издававшегося ранее им же в СПб.).

⁷ Цит. по: Топоров В.Н. Николай Сергеевич Трубецкой // Советское славяноведение. 1990. № 6. С. 68.

⁸ См.: Алексеев Н.Н. Воспоминания // Пашуто В.Т. Русские историки в Европе. М., 1992. С. 214 (приложение IV).

Бицилли попал в поле внимания кружковцев по инициативе Г.В. Флоровского. Флоровский, будучи, как и ПМБ, одесситом, давно и хорошо знал его; они были близко знакомы семьями (старшие брат и сестра Флоровского были коллегами Бицилли по работе на историческом факультете университета). ГВФ ценил интеллектуальный потенциал Бицилли. В письме Н.С. Трубецкому от 16 марта 1922 г. он аттестовал его так: «Он очень талантлив и жив мыслью»⁹. Будучи организатором и редактором-составителем первых евразийских сборников, Флоровский постарался привлечь Бицилли к сотрудничеству.

Между тем Бицилли успел ознакомиться с первым сборником евразийцев. Свои впечатления он выразил в рецензии, напечатанной в журнале «Русская мысль». В ней Бицилли, оценив сборник как крупное литературное явление, солидаризировался с поисками авторов, их стремлением к «психологическому анализу русской культуры». Вместе с тем он заметил, что в статьях сборника много спорного и сомнительного. К примеру, ПМБ раскритиковал как ошибочное, по его мнению, толкование Н.С. Трубецким положения о расах и их психологической составляющей. Спорным ПМБ считал одно из центральных утверждений авторов – оно вскоре стало одним из специфически «евразийских», базовых для них постулатов: Россия якобы принадлежит больше Азии, чем Европе. Заключая отзыв, Бицилли формулировал: «...лучшие умы Запада и Востока <...> предвидят занимающуюся над Старым Светом зарю возрождения, понимаемого как синтез новых культур»¹⁰.

Отзывом на первый сборник Бицилли фактически положил начало циклу своих публикаций на евразийские темы. Сборник первых статей евразийцев ПМБ воспринял как лабораторию для научного поиска, как трибуну для обмена мнениями по назревшим в науке и культуре вопросам (некоторые из них вскоре оказались политически актуальными). Тогда Бицилли импонировали энергичные поиски назвавших себя евразийцами молодых гуманитариев, их смелые попытки разобраться в сложных проблемах мировой культуры, выяснить, например, роль монгольско-тюркского (по терминологии евразийцев «туранского») фактора в становлении российской государственности и культуры. Воспринимая евразийские сборники как научную лабораторию, Бицилли принял предложение Г.В. Флоровского о сотрудничестве.

Во втором сборнике евразийцев, вышедшем в 1922 г., ПМБ опубликовал привлекающую внимание читателей масштабной постановкой проблемы статью «Восток» и «Запад» в истории Старого Света» (Утверждение евразийцев. Кн. 2: На путях. М.; Берлин: Геликон, 1922. С. 317–340). В ней он развивал и углублял свои соображения, частично выраженные пунктиром годом ранее в упомянутом отзыве на первый сборник (позже ПМБ неоднократно возвращался к этой интересовавшей его теме). Бицилли отмежевался от упрощенного подхода к проблеме «Восток – Запад»: не пренебрегая контрастом культур Запада и Востока в новое время, ПМБ призывал не упускать из виду черты их

⁹ Цит. по: Каганович Б.С. К теме: «П.М. Бицилли и евразийцы». С. 293.

¹⁰ Рус. мысль. 1922. № 1. С. 381–382.

сходства в прошлом. Он выдвигает идею необходимости нахождения путей к культурному единству — «единству в многообразии»; провозглашает идею единого Старого Света.

Бицилли отвергает мысль, что Евразия — особый мир, отличавшийся от Востока и Запада (эта последняя идея вскоре стала одним из центральных постулатов, контрапунктом евразийской идеологии). По его мнению, Евразия — связующее между Европой и Азией звено¹¹. Аналогичные идеи и соображения ПМБ изложил вкратце в соответствующих местах своей книги «Введение в мировую историю», изданной в 1923 г. в Белграде на сербском языке («Увод у светску историју»)¹².

В следующем, третьем сборнике, «Россия и латинство» (Берлин: Б.и., 1923), Бицилли поместил статью «Католичество и римская церковь». В ней прослежен исторический процесс становления и роста авторитарных начал в католической церкви. Изложение текста автор структурирует преимущественно вокруг ватиканского догмата о непогрешимости¹³. Бицилли избегает противопоставления католичества православной церкви, чем увлекались многие приверженцы евразийства.

Тематически обе статьи ПМБ (во втором и третьем сборниках) вписывались в интересовавшую евразийских читателей — в научно-общественном плане — проблематику. Однако в тексте статей мы не встречаем специфически евразийских доктрин и постулатов. Это обстоятельство бросилось в глаза такому квалифицированному читателю, как редактор «Русской мысли» академик П.Б. Струве: он отметил, что публикация ПМБ имеет не специфически евразийскую, а историко-культурную направленность¹⁴.

Итак, ПМБ относился к евразийскому кружку, к публикациям в сборниках как подлинный ученый — рассматривал сборник как научную трибуну для обмена соображениями по актуальным проблемам. Несколько позже, в письме к П.Н. Савицкому от 6 марта 1925 г. ПМБ, вспоминая свои впечатления о первом сборнике евразийцев, свидетельствовал: «...евразийцы, выпустив сборник с символической лошадкой на обложке <...> затронули темы громадной важности и сложности, поставив их очень остро, но и очень спорно»¹⁵. Такими словами Бицилли недвусмысленно дал понять Савицкому, что сам он не разделял специфически евразийских доктрин.

С течением времени Бицилли все более убеждался в спорности и ошибочности евразийских построений. Замечал натяжки, а подчас ограниченность и некомпетентность в их аргументации, нередко лишенной знаний и основательных и масштабных подходов.

¹¹ См.: Бицилли П.М. Избранное. Историко-культурологические работы. София, 1993. С. 243–247.

¹² См.: Бицилли П. Увод у светску историју. Белград, 1923. С. 89–94, 100. Недавно книга переиздана в Софии на болгарском языке (Бицилли П. Въведение в световната история. София, 2007).

¹³ См. Бицилли П.М. Избранное. С. 88–119.

¹⁴ См.: Рус. мысль. 1922. № 5–6. С. 376–377.

¹⁵ Цит. по: Каганович Б.С. К теме: «П.М. Бицилли и евразийцы». С. 294.

* * *

Зачинатели евразийства, редакторы и организаторы евразийских сборников — насколько нам удалось выяснить, — относились к сотрудничеству с Бицилли по-разному.

Инициатор привлечения ПМБ к сборникам Г.В. Флоровский, как отмечалось, ценил интеллект Бицилли. Будучи на первых порах одним из наиболее деятельных редакторов, он переписывался с ПМБ и фактически обеспечил его участие в двух сборниках. Довольно скоро проявилась увлеченность Флоровского другими проблемами (преимущественно патрологией и иными богословскими темами). Все это предопределило к 1924 г. отход его от евразийства, завершившийся в 1928 г. полным разрывом. Позже он принял сан священника и стал профессором патрологии¹⁶.

Другим деятельным организатором и редактором-составителем сборников евразийцев был П.Н. Савицкий. По-видимому, он осознавал достоинства, основательность и глубину работ ПМБ, масштабность его подходов к исследованию проблем. В нашем распоряжении есть прямое свидетельство отношения Савицкого к упомянутой статье ПМБ во втором сборнике евразийцев («Восток» и «Запад»...): по признанию Савицкого (в написанном позже документе), работа Бицилли «рассматривает историю Старого Света как целостный процесс, она проникнута стремлением установить вселенские горизонты»¹⁷. По мнению московского исследователя евразийства А.В. Соболева, указанная статья ПМБ вдохновила в свое время Савицкого написать работу «Степь и оседлость», задала широкую перспективу другим трудам Савицкого и Г.В. Вернадского¹⁸.

По-иному, видимо, сложилось отношение к сотрудничеству с Бицилли у П.П. Сувчинского и в особенности у Н.С. Трубецкого. Последний занимал в евразийстве особую нишу: Сувчинский назвал его «верховным евразийцем»¹⁹. Кн. Н.С. Трубецкой был среди основателей евразийства, несомненно, ведущей интеллектуальной фигурой.

Получив в 1922 г. кафедру филологии в Университете Вены (вскоре он был избран в Венскую академию наук), Трубецкой плодотворно работал, опубликовав множество трудов: он совершил вместе с соратником по Пражскому лингвистическому кружку Р.О. Якобсоном крупный прорыв в языкознании XX века. Поглощенность наукой предопределяла подчас длительные паузы в евразийской деятельности Трубецкого. Став сложившимся ученым еще в юно-

¹⁶ См.: Raeff M. Georges Florovsky and Eurasianism // Twenty Five Year Commemoration to the Life of Georges Florovsky (1893–1979). New York, 2005. P. 87–88, 94–96.

¹⁷ См. предисловие П.Н. Савицкого к библиографии евразийцев (1931) // Горизонтов Л.Е. Евразийство. 1921–1931: взгляд изнутри // Славяноведение. 1992. № 4. С. 89.

¹⁸ См.: Соболев А.В. Своя своих не познаша // Начала. М., 1992. № 4. С. 50. Несомненный факт влияния работы Бицилли на труд Савицкого, положивший начало его кочевниковедческим публикациям, позволяет говорить о плодотворности научного сотрудничества ПМБ с некоторыми евразийцами на ранней стадии.

¹⁹ Российский архив. Т. 5. С. 498.

сти, до эмиграции, Трубецкой чувствовал себя в известной мере своеобразным «предшественником евразийства»²⁰.

Переписка Сувчинского с Трубецким открывает некоторые обстоятельства по интересующему нас сюжету — об отношении названных лиц (прежде всего Н.С. Трубецкого) к сотрудничеству с Бицилли. В письме к Сувчинскому от 26 февраля 1922 г. Трубецкой заявляет о своем разочаровании в Бицилли: констатировав отсутствие взаимопонимания с ним по принципиальным вопросам, Трубецкой называет участие Бицилли во втором сборнике (где ПМБ напечатал неоднократно упоминавшуюся статью «Восток» и «Запад...») «недоразумением»²¹.

* * *

Между тем популярность первых изданий евразийцев быстро росла. Брошюру Трубецкого «Европа и человечество» перевели на немецкий язык (позже на английский и итальянский). На нее, как и на сборники евразийцев, появилось множество рецензий. Большой резонанс на издания евразийцев, в которых были поставлены волновавшие эмиграцию проблемы, содействовал увеличению их сторонников. Первоначально сложившись в виде научного кружка с аморфным политическим обликом, евразийство быстро эволюционировало. Спустя несколько лет, к середине 1920-х гг., оно превратилось в движение с политической составляющей.

В 1923 г. в Берлине было основано Евразийское книгоиздательство, в котором вышли новые сборники статей — несколько выпусков «Евразийского временника». В Праге с 1925 г. печатались выпуски «Евразийской хроники». В рамках Евразийского же книгоиздательства, кроме сборников, выходили брошюры и книги. Авторами их были преимущественно приверженцы евразийства (Н.С. Трубецкой, Н.Н. Алексеев, Л.П. Карсавин, П.Н. Савицкий и др.), но иногда публиковались работы известных ученых на нейтральные темы (например, брошюра С.Л. Франка «Религия и наука», 1925, и др.)²².

С отъездом основателей кружка из Софии в 1922 г. центр деятельности евразийцев переместился в Берлин, Париж и Прагу. В Париже в 1926 г. вышел первый номер околоевразийского литературно-культурологического издания «Версты» (в нем участвовали писатель А.М. Ремизов, поэт М.И. Цветаева, философ Л.И. Шестов и др.; всего вышло три номера). Рядом с Парижем — в Кламаре — в 1925 г. начал действовать евразийский семинар, руководимый неопитом евразийства, историком и философом Л.П. Карсавиным. Аналогичные семинары работали в Берлине и в Праге. Среди примкнувших к евразий-

²⁰ Автономова Н.С., Гаспаров М.Л. Якобсон, славистика и евразийство // Новое литературное обозрение. 1997. № 23. С. 91.

²¹ Упомянутая выше (в примеч. 5 и 19) публикация Е.П. Кривошеевой совсем недавно дополнена новыми письмами тех же лиц (П.П. Сувчинский и Н.С. Трубецкой), хранящимися в другом архиве. Письмо обнаружено в Интернете исследователем евразийства из США проф. Сергей Глебов в составе фрагментов своего нового труда — «In Search of Non-eurocentric History. Russia, Eurasia and Mongol-Bolshevik Revolution» (http://www.princeton.edu/~restudy/soyuz_papers/Glebov.pdf).

²² См. Горизонтов Л.Е. Евразийство. 1921–1931. С. 90–94.

ству неофиотов, кроме Карсавина, были правовед Н.Н. Алексеев, историк Г.В. Вернадский, философ и богослов В.Н. Ильин, востоковед В.П. Никитин, литературовед кн. Д.П. Святополк-Мирский (профессор Университета в Лондоне) и др.²³

Многие из евразийцев — люди талантливые — умели представить свои взгляды в острой и хлесткой манере. Их выступления в печати, на семинарах и иных форумах привлекали внимание. Злободневной была вынесенная ими на обсуждение проблематика: перспективы развития России, русской нации, российской государственности и культуры в прошлом и в XX в., в условиях духовного кризиса, охватившего человечество после Первой мировой войны. В спровоцированных евразийцами обсуждениях на разных форумах, включая и такие солидные, как Свободная философско-религиозная академия Н.А. Бердяева, принимали участие, кроме евразийцев и им сочувствующих, также их оппоненты — как из числа отчасти согласных с ними (Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков, Ф.А. Степун и др.), так и решительные противники евразийства из рядов так называемых западников (историки А.А. Кизеветтер, П.Н. Милоков, экономист П.Б. Струве, философ С.И. Гессен и др.).

* * *

Изменение облика евразийства, формирование на основе кружка политического течения с ясно выраженной идеологией постепенно приводило к изменению позиции П.М. Бицилли.

У нас нет прямых свидетельств непосредственной реакции Бицилли при ознакомлении с ранними проявлениями чуждых ему (просоветских, пробольшевистских) взглядов в публикациях евразийцев. Можно лишь предполагать, что он был разочарован в некоторых персонах, с кем ему приходилось прямо или косвенно сотрудничать в двух сборниках.

Здесь я вступаю на зыбкую почву недоказанных предположений. И все же рискну высказать гипотезу: Бицилли, вероятно, испытывал смешанное чувство разочарования и смущения от того, что лица, с которыми он сотрудничал, к научным поискам которых проявлял интерес, вступили на путь активной политической деятельности.

Присущее Бицилли чувство высокой моральной ответственности, возможно, было одним из мотивов, побудивших его тогда к решительному публицистическому выступлению с известным зарядом политической составляющей. Это тем более примечательно, что ПМБ в годы эмиграции отказывался от любой формы политической деятельности (хотя и не скрывал своих антисоветских, антибольшевистских убеждений): он неуклонно придерживался позиции ученого, стоящего в стороне от политической борьбы.

²³ См.: Историческая наука российской эмиграции 20–30-х гг. XX века (Хроника) / Сост. С.А. Александров; Отв. ред. М.Г. Вандалковская. М., 1998. С. 68–71, 81–82 и др.; *Вильданова Р.И., Кудрявцев В.Б., Лапто-Данилевский К.Ю.* Краткий биографический словарь русского зарубежья // Струве Г.П. Русская литература в изгнании. Изд. 3-е. Париж; М., 1996. С. 279, 315, 318, 342, 356, 357, 364, 390–391, 400–410.

В случае с евразийством он поступил иначе. По-видимому, он считал себя морально обязанным раскрыть назревшие, опасные, на его взгляд, черты и тенденции в евразийстве, в «евразийском соблазне».

Первым целенаправленным публицистическим выступлением Бицилли с полемикой против политических тенденций в евразийстве стала его статья «Народное и человеческое». Статья имела, кроме названия, подзаголовок: «По поводу “Евразийского временника”, кн. 4, Берлин, 1925»²⁴. Признавая, что «даровитые» выступления евразийцев на злободневные темы привлекают внимание, ПМБ сосредоточился на сущностных тенденциях «Евразийского временника» — и прежде всего на эклектичных и ошибочных, по его мнению, философско-методологических основах авторов. Он упрекал (Н.С. Трубецкого, Л.П. Карсавина и др.) в «произвольном пользовании сравнительно-историческим методом, равнозначном его игнорированию»²⁵.

Важно отметить: Бицилли констатировал, что евразийцы абсолютизируют противоположность отдельных культурных миров Запада и Востока, ошибочно утверждая, что лишь православие является подлинным носителем христианской культуры (в отличие от западной, по их мнению, «лжехристианской»). Отвергая достижения культуры Запада, равноценные восточному (православному) миру, евразийцы демонстрируют, на взгляд ПМБ, ограниченность своих доктрин. «Претендовать на звание монопольного носителя общечеловеческой культуры ни один народ не имеет права. Это не только грешно, это попросту неумно»²⁶.

Бицилли решительно осуждает апологию азиатчины, культ Чингисхана, сочетавшийся у евразийцев с преданностью православию и объективно способствовавший проникновению принципов авторитаризма и идеократии. Завершая свою статью, Бицилли пишет:

Евразийство представляет собой смесь разнородных учено-антикварских, археологических и религиозных пророческих историко-философских тенденций, которая характерна для славянофильства и романтизма вообще. Одно мешает другому. Евразийцы зовут к возрождению, но их возрождение сбивается на реставрацию²⁷.

Статья Бицилли «Народное и человеческое» была одним из первых основательных выступлений в СЗ, раскрывших глубинные философско-методологические изъяны в концепциях евразийцев. На страницах журнала, начиная с № 4 в 1921 г. (где была обнародована критическая рецензия Б.Ф. Шлецера на брошюру Н.С. Трубецкого «Европа и человечество»), время от времени печатались разного рода материалы о евразийцах и их изданиях. Редакция СЗ,

²⁴ См.: *Бицилли П.М.* Народное и человеческое // СЗ. 1925. № 25. С. 484–494.

²⁵ Там же. С. 487.

²⁶ Там же. С. 491.

²⁷ Там же. С. 493.

не разделяя идей евразийцев, печатала о них работы авторов, придерживавшихся различных убеждений и философских воззрений.

* * *

Приблизительно в тот же период середины 1920-х гг. (когда готовилась и печаталась названная статья Бицилли) по инициативе П.Н. Савицкого имела место его переписка с ПМБ. Став (после отхода от евразийства в 1924 г. Г.В. Флоровского) основным организатором и редактором-составителем евразийских сборников, Савицкий предпринял попытку, окончившуюся неудачей, привлечь в новый евразийский сборник Бицилли. Как видно из дружественного тона опубликованных ответных писем ПМБ (от 6 марта 1925 г., 30 ноября и 4 декабря 1926 г.), между Бицилли и Савицким сохранились личные уважительные отношения. Вместе с тем необходимо подчеркнуть, что названные письма Бицилли, как справедливо отметил их публикатор Б.С. Каганович, «свидетельствуют о полном несогласии Бицилли с евразийцами по всем основным вопросам»²⁸.

* * *

В середине 1920-х гг. Бицилли, кроме статьи «Народное и человеческое», опубликовал также о евразийстве заметку в болгарской газете «Изток» (то есть «Восток»; София, 1926) и краткую рецензию (скорее аннотацию) на «Евразийский временник. Кн. 5» (СЗ. 1927. № 33. С. 552–553).

Нельзя не упомянуть еще одну, характерную для Бицилли форму откликов на публикации евразийцев и их концепции. В годы эмиграции (особенно с середины 1920-х гг.) в центре внимания Бицилли-интеллектуала находились проблемы развития российской государственности и культуры. О чем бы он в эти годы ни писал, его не оставляли мысли и соображения, сопряженные с концепциями, звучавшими в дискуссиях с евразийцами. В результате тексты его публикаций на самые разные темы содержат многочисленные критические замечания в адрес евразийцев.

Например, в статье «Св. Франциск Ассизский и проблемы Ренессанса (1226–1926)», опубликованной в СЗ (1927. № 30. С. 520–537), ПМБ дважды высмеял (попутными ремарками) потуги евразийцев на выявление их якобы оригинального лица путем прославления Чингисхана²⁹. Аналогичные крити-

²⁸ См.: Каганович Б.С. К теме «П.М. Бицилли и евразийцы». С. 299. К сказанному публикатором считаю уместным внести уточнение: после его слов «по всем основным вопросам» поставить запятую и затем вставить — «имевшим общественно-политическое звучание». Такое дополнение будет кстати, поскольку известно, что Бицилли ценил научные поиски и достижения некоторых евразийцев (П.Н. Савицкого, Г.В. Вернадского и др.), и этот факт не следует игнорировать. В этом контексте заметим, что личные контакты ПМБ с Савицким продолжались и позже — известен факт их встречи-беседы в ноябре 1927 г. (во время пребывания Савицкого в Софии) (см. письмо Бицилли А.В. Флоровскому от 23 ноября 1927 г.; Архив РАН. Ф. 1609 [А.В. Флоровский], Оп. 2. Д. 140. Л. 16 об.). Отметим и особо теплые отношения Бицилли с историком Г.В. Вернадским: как свидетельствуют сохранившиеся в Бахметьевском архиве Колумбийского университета 17 писем ПМБ Вернадскому, дружеские отношения их поддерживались в 1924–1947 гг.

²⁹ См.: Бицилли П.М. Избранные труды по средневековой истории. М., 2006. С. 544, 546.

ческие реплики в адрес евразийцев можно встретить в ряде других публикаций ПМБ. Подчас полемика с евразийцами и их доктринами носит скрытый характер или звучит полунамеками, а иногда проявляется даже почти инстинктивно (например, активное неприятие Бицилли вызывало противопоставление культур «Запада» и «Востока») ³⁰.

* * *

Наиболее значительной работой ПМБ о евразийстве явилась статья «Два лика евразийства» (СЗ. 1927. № 31. С. 421–434). Она подвела итоги размышлениям Бицилли о сущности евразийства, направленности противоречивых тенденций, проявившихся в многочисленных публикациях евразийцев.

По форме статья ПМБ была откликом на выпущенную незадолго до того Евразийским издательством брошюру «Евразийство (опыт систематического изложения)». Брошюра имела облик программного документа: в нем в сжатом виде сформулированы основы идеологии и программы евразийства на стадии, когда оно сложилось в общественно-политическое движение.

Изложив в начале статьи свое видение процесса формирования российского государства как евразийской империи (империи на пространстве Евразии) и сопутствовавшего ему процесса становления господствовавшей в империи российской нации, Бицилли сосредоточился на характеристике евразийской идеологии. Анализируя текст брошюры в качестве программного документа, ПМБ раскрыл присущие движению евразийцев и его идеологии внутренние противоречия. Он показал, что

евразийское построение, соблазняющее своей внешней законченностью и своею кажущейся философской глубиной, на самом деле внутренне противоречиво, *неискренно*, непродуманно, а сверх того и *несамостоятельно*. <...> Евразийский «идеальный» строй очень похож на того жениха, о котором мечтает гоголевская невеста ³¹.

Важнейший политический порок идеологии евразийства Бицилли усматривает в присущих ей идеях примирения и даже восхваления тоталитарного — советского (большевистского) строя: ПМБ констатирует, что, хотя евразийцы провозглашают свою приверженность (применительно к России) принципам федерализма, фактически они обнаруживают «тревожное и опасное»

³⁰ Примечателен следующий факт. Много позже рассматриваемого периода, в 1947 г., Бицилли готовил для эвентуального переиздания во Франции сокращенный текст своей опубликованной в 1946 г. в Софии на русском языке работы «К вопросу о внутренней форме романа Достоевского». В сильно сжатый текст ПМБ все же сделал несколько лаконичных вставок, среди них следующая реплика: «Сколь погрешно традиционное противопоставление “России” и “Запада” как культурно-исторических миров». Подробнее см.: *Бирман М.А.* Н.Л. Гурфинкель — переводчик и издатель трудов П.М. Бицилли // Русское еврейство в зарубежье. Иерусалим, 2003. Т. 5 (10). С. 35–36. Тексты рукописных вставок вместе со всей сокращенной версией работы Бицилли присланы мне наперсницей и другом покойной Н.Л. Гурфинкель (бывшей ученицы ПМБ по гимназии в Одессе), проживающей в Париже Рут Шацман.

³¹ *Бицилли П.М.* Два лика евразийства // СЗ. 1927. № 31. С. 430.

«тяготение к большевизму»³². По мнению Бицилли, существо подлинного отношения евразийцев к сложившемуся в СССР государству выражено в следующей программной формулировке: «...сочетание советской системы с диктатурой одной единственной партии <...>; такая форма лучше демократии европейского типа»³³.

«Отвратный» лик идеала евразийцев Бицилли усматривал и в их стремлении к утверждению в России идеократии — господства «абсолютно истинной православно-догматической идеологии»³⁴.

Заключительные строки статьи «Два лика евразийства» — выразительны, образны и ярки:

Евразийцев считают учениками славянофилов, и сами они гордятся этой родословной <...> Портретная галерея евразийских предков пестра, и Аксаковыми, Киреевскими и Хомяковыми далеко не исчерпывается. Из-за их благодушных, величавых ликов выглядывают в ней физиономии Магницкого, и архимандрита Фотия, и зловещая маска Ленина³⁵.

Статья «Два лика евразийства», как и напечатанная ранее «Народное и человеческое», — две наиболее глубокие и значительные работы ПМБ о характере сложившейся идеологии евразийства. Именно они, обнажив и раскрыв противоречивую и эклектичную сущность евразийства, должны, по моим представлениям, служить показателем истинного отношения Бицилли к сформировавшимся евразийским доктринам (а не факт участия ПМБ в двух сборниках, изданных кружком евразийцев).

Вместе с публикациями на страницах СЗ, газеты «Руль» и других изданий иных квалифицированных оппонентов статьи Бицилли сыграли свою роль в раскрытии в глазах эмигрантов сущности идеологии евразийства.

На следующий год после опубликования статьи «Два лика евразийства» — в 1928 г. — евразийское движение вступило в новую фазу. Издание открыто пробольшевистского еженедельника «Евразия» (Париж, 1928–1929. № 1–35), против которого выступала группа евразийцев Праги, положило начало дифференциации и расколу в рядах евразийцев. Наступила длительная полоса кризиса, постепенного угасания и деградации евразийства.

Появившиеся в 1928 г. и позднее новые публикации Бицилли о евразийцах и их изданиях требуют исследования в контексте новых реалий, на основе иного набора источников и литературы. А посему период с 1928 г. остается за рамками настоящей статьи.

* * *

Завершить статью я намерен заметками об историографической судьбе двух названных наиболее значительных публикаций Бицилли о евразийстве.

³² Бицилли П.М. Два лика евразийства // СЗ. 1927. № 31. С. 426.

³³ Там же. С. 428.

³⁴ Там же. С. 425.

³⁵ Там же. С. 434.

Прежде всего — неотложная информация о «злосключении» с текстом статьи «Два лика евразийства». Он опубликован с опечаткой, грубо искажающей смысл, в 31-й книге СЗ. В следующей, 32-й книге Бицилли печатает статью «Наследие империи»; в конце ее дано петитом следующее:

Н.В. В тексте моей статьи «Два лика евразийства», напечатанной в № XXXI «Современных записок» в самом ее начале (с. 421, столб. 1, строка 2-я и 3-я снизу), вкралась опечатка, искажающая смысл всего последующего: «Евразийство есть ОТРИЦАНИЕ некоторого бесспорного и исключительно важного факта...» и т.д. следует читать: ПРИЗНАНИЕ. Печать Бицилли³⁶.

Огорчительно, но факт: уточнение автора осталось незамеченным. Последующие три (!) перепечатки текста статьи произведены с сохранением грубой опечатки. Остается надеяться, что возможные будущие переиздания статьи состоятся с учетом воли ее автора.

Далее — два слова о цикле публикаций Бицилли на евразийские темы (крупным планом). На евразийские темы ПМБ напечатал в 1920—1930-е гг. в журналах СЗ, «Новый град», РМ и в болгарских изданиях девять публикаций. К ним следует добавить еще три работы на темы, сопричастные с евразийскими: две упоминавшиеся статьи (из второго и третьего евразийских сборников) и статью «К вопросу о взаимоотношениях Востока и Запада» в сборнике памяти профессора П. Никова (София, 1940).

Из 12 публикаций интересующего нас цикла к настоящему времени переиздавались неоднократно лишь две: 1) статья 1922 г. из второго сборника евразийцев — «Восток» и «Запад» в истории Старого Света — семь раз; 2) статья «Два лика евразийства» из СЗ (1927 г.) — три раза.

Примечательно, что статья «Восток» и «Запад»...» из второго сборника евразийцев побила все рекорды по части переизданий любых работ Бицилли — в таком масштабе другие его работы не переиздавались (по количеству перепечаток эта статья ПМБ может быть сопоставима с масштабом републикаций работы Н.С. Трубецкого «Европа и человечество» и еще двух-трех его наиболее популярных публикаций). Заметим, что четыре из семи раз статья переиздавалась в составе различных *евразийских* антологий и сборников. В этом, видимо, проявилось стремление поклонников евразийства (из числа эпигонов евразийства конца XX в.) причислить к сторонникам (а подчас и «зачинателям») евразийства ставшего в тот период модным П.М. Бицилли.

Так постепенно возникал миф о Бицилли — одном из приверженцев, а то и «зачинателей» евразийства. При этом именно факт участия ПМБ в двух первых довольно аморфных в политическом отношении сборниках евразийского кружка послужил поводом для причисления его, ПМБ, к приверженцам евразийских доктрин и постулатов, выкристаллизовавшихся позже. Иногда названные статьи Бицилли представляются в работах современных историков

³⁶ Бицилли П.М. Наследие Империи // СЗ. 1927. № 32. С. 325.

все на том же основании (то есть безосновательно) памятниками евразийской мысли. Тем самым полностью игнорируется направленность и смысл текста статей ПМБ, их несоответствие (как показано выше) духу евразийских доктрин и постулатов. И еще одно обстоятельство необходимо учесть: литература о евразийстве не обратила должного внимания на критические выступления ПМБ в адрес евразийцев и их идеологии (иногда упоминания публикаций ПМБ с критикой евразийских доктрин сопровождаются неуместным в адрес Бицилли клеймом «отщепенца»).

Я не призываю к отказу от дальнейших исследований сложной темы позиции Бицилли в комплексе поднятых евразийцами проблем, вероятной и естественной эволюции его отношения к евразийству в целом и к отдельным евразийцам — к их публикациям на протяжении длительного времени.

Отношение ПМБ к евразийству трудно охарактеризовать одномерно — оно эволюционировало вместе с изменением облика евразийства.

Несомненно, на мой взгляд, одно: глубоко ошибается тот, кто придерживается мифа о Бицилли — приверженце евразийских доктрин.

Полагаю, что изучение поставленных в настоящей публикации тем и вопросов будет продолжено. Выражаю надежду, что найдутся энтузиасты — исследователи евразийства, чье внимание будет привлечено к Бицилли, к его циклу публикаций на евразийские и околеевразийские темы³⁷.

Некогда выдающийся историк А.А. Кизеветтер (до эмиграции — профессор университета в Москве, член-корреспондент Российской академии наук) «усердно аплодировал» напечатанным в СЗ статьям Бицилли, давшего, по его выражению, «несколько метких выстрелов по нелепым евразийцам <так в тексте. — М.Б.>»³⁸.

Значение цикла работ Бицилли на евразийские темы, несомненно, зазвучит полновеснее в будущем, по мере того как появятся новые исследования и выявится контекст полемики вокруг поднятых евразийцами проблем, волновавших русских эмигрантов 1920–1930-х гг.

³⁷ Одним из предвестников эвентуального внимания к теме «П.М. Бицилли и евразийцы», возможно, является реферат доцента из Харькова В. Пикалова в рамках круглого стола, состоявшегося на конференции в Одессе 15–16 сентября 2007 г. См.: *Попова Т.М., Пригарин О.А.* X Міжнародна наукова конференція «Болгари у Північному Причорномор'ї» // Український історичний журнал (Київ). 2008. № 1 (478). С. 228.

³⁸ См. письмо А.А. Кизеветтера М.В. Вишняку от 6 октября 1925 г. // Письма А.А. Кизеветтера Н.И. Астрову, В.И. Вернадскому, М.В. Вишняку / Публ. и предисл. М. Раева // НЖ. 1998. № 172/173. С. 471. Дата письма, опущенная в журнальной публикации, установлена по оригиналу, хранящемуся в блумингтонской части архива Вишняка (Lilly Library. Vishniak papers. F. 67).